

Григорий Померанц

Три дороги вглубь

90 лет – это рубеж и толчок подвести некоторые итоги. Кое-что уже было сказано. Но достаточно ли я вдумывался в проклятые вопросы – хотя бы в самые старые? В вопрос Иова – почему страдают невинные? Или вопрос Шанья Муни – почему человеческий дух не может вырваться из круга рождения, болезней, старости и смерти? Или вопрос Паскаля – о месте человека в бесконечности, о выходе из арифметики, по которой всякая жизнь, деленная на ∞ , равна нулю? Я прикоснулся к вопросу Паскаля в 16 лет, испуганно отошел – а потом, годам к двадцати, заболел им всерьез и убедился, что упорный штурм проклятого вопроса в конце концов открывает в сердце бесконечность света и дает силу полета над страхом темной бездны пространства, времени и материи. Во вспышке света рождаются некоторые слова, но только много позже я понял, что не столько в словах дело, сколько в самом свете, который гасит любой страх, в том числе грубый, всем понятный страх бомб, снарядов и мин, на войне. К опыту войны я вернусь, но прежде расскажу, как от вопросов Паскаля и Тютчева пришел к подобию дзэнского коана, специально придуманному, чтобы соединить множество предметов с единством вечного света.

Меня угнетало в юности, что каждая книга заново убеждала, каждая ловкая речь. И я решил освободиться от этой зависимости. Задним числом я понял, что подобный вопрос возникал в истории несколько раз. Как только расшатался твердый племенной порядок, одинаковый для всех мальчиков, одинаковый для всех девочек, народ начал сбиваться с толку и вон из толпы выходит личность, почувствовавшая силу завести новый порядок. Более сложный, но опять твердый, например – систему четырех сословий. Распадаются сословия – и возникают классы, обычаи делаются менее твердыми, но все равно известно, когда надеть фрак, когда – смокинг. Личность царит во время кризиса. В старом переводе: распалась

цепь времен: зачем же я связать ее рожден? Так говорит личность, полная сомнений. А рядом – полная энтузиазма, готова восстановить мир рыцарских романов, существовавший только в воображении, – освобождает каторжников и становится их жертвой. Шекспир и Сервантес увидели эти великие личности на рубеже XVI и XVII вв., Тургенев – в России XIX века, в статье «Гамлеты и Донкихоты», и я, выходя из квартиры Петра Григорьевича Григоренко, с которым дружил, подумал, что мы различаемся только акцентами, но оба чувствуем на своих плечах тяжесть мира, как Гамлет и Донкихот. Мечущаяся за демагогами личность, вышедшая из толпы, ищет духовных опор в собственной глубине. «Вы можете меня расстроить, но не играть на мне», – говорит Гамлет Розенкрансу и Гильденстерну. Это одна из первых опор, которую я нашел, в 15 лет. А через год, в предисловии к роману Стендаля: «позиция автора имеет только один недостаток: каждая партия может считать его членом партии своих врагов». Шел 1934 год, и я держал про себя этот вызов времени.

Однако скоро я понял, что нескольких афоризмов мне мало, что собрать личность можно только пустив корень в широкий круг культуры. Священные книги были вне поля зрения, и собирать приходилось из стихов и романов. Потом помогли и другие искусства. В 1937 году я каждую неделю ходил в музей новой западной живописи, часами созерцал Ренуара, Моне, Сислея, Марке, Сезанна, Ван Гога, голубого и розового Пикассо – и отмывал там себя от бдительности комсомольских собраний и воплей газет. Еще весной 1935 года, в сочинении «Кем быть», я отказался служить лозунгам времени и закончил словами «Я хочу быть самим собой». То есть прежде быть, быть верным собственной глубине, а потом уже делать, служить, учить. И я все глубже и глубже зарывался в великую русскую литературу. И Тютчев, Толстой, Достоевский вернули меня к проклятым вопросам, отложенным в сторону в 16 лет.

Я видел, что Тютчев мечется между природой–сфинксом, не знающей о былом, и природой, у которой есть душа, любовь, язык. Я читал, как Левин, в «Анне Карениной», прятал ружье, чтобы не застрелиться, и веревку, чтобы не повеситься, и понял, что это вопросы самого Толстого, что он тоже мучился от беспомощности перед бездной времени, пространства и материи. У Тютчева и Толстого не хватало сил на штурм нового проклятого вопроса, возникшего, когда Коперник и Галилей выдернули землю из под ног людей. Я не знал, что Паскаль уже довел штурм этого проклятого вопроса до конца и пережил радость от огня, загоревшегося в груди. Амулет Паскаля, зашитый в подкладке его камзола, не был понят новым временем и не дошел до меня. И я решился начать штурм заново. Подхватывая у Достоевского ритм его романов, постоянные порывы вскарабкаться по темным лестницам подполья к вспышкам света, снимавшим, уравнивавшим страх, но мгновенно гаснувшим – и вновь порывы к мгновенной вспышке, упорное стремление к полету над страхом. Тот, кто эти вспышки чувствовал сердцем, видел суть Достоевского в свете и радовался его творчеству, а кто не воспринимал – мучился.

Я не знал слова медитация, не знал слова «коан» (познакомился – лет через двадцать), но я придумал коан и стал медитировать: если бесконечность (пространства, времени, материи) есть, то меня нет; а если я есть, то бесконечности (какой ее описывает наука) нет. Через три месяца теплое чувство посередине груди, которое я уже знал как знак целостной истины, вспыхнуло огнем и одновременно высветились две словесные формулы, довольно неуклюжие. Впоследствии я понял, что свет не рождает слов, он помогает только родиться тому, что скрытно созревает в уме; внутренний свет – акушер, а не роженица. Но сам свет давал полет над страхом. И четыре года спустя, опрокинутый волной фронтового страха, я вспомнил свой опыт медитации и сказал себе: я не испугался бездны пространства и времени; стоит ли бояться нескольких хенкелей

(бомбивших совхоз Котлубань). Минут через 2 или 3 страх растаял, как кусок рафинада в стакане чая, и я прошел всю войну, радуясь опасности: она вызывала во мне чувство полета.

На этом я обрываю свой рассказ о пути к «сильно развитой личности», как ее назвал Достоевский; кратко подведу итоги. Первый шаг личности – выход из мятущейся толпы. Второй – собирание опор в памяти искусства разных стран и народов, разных веков и тысячелетий. Это доступно каждому. Нужно только упорство. Например, большая музыка мне не давалась лет пятнадцать, но в конце концов я пробился к пониманию Чайковского, а затем уже дело пошло легче. Второй путь – это штурм проклятых вопросов, как лестницы, ведущей в глубину, где рождается внутренний свет. Это реже дается. Я встретил за свою жизнь только одного человека, заболевшего проклятым вопросом (не Паскаля, а Иова, но это все равно) и выстрадавшего взрыв внутреннего света. Это Зинаида Миркина, и я сразу, при первой встрече, почувствовал, что ее опыт был глубже моего и слова, родившиеся в ее опыте, точнее моих; я сразу решил идти с ней вместе, в любой форме, какая сложится. Сложилась своего рода молекула из двух атомов, но с одним сердцем, и общая способность поверять сердцем доводы ума. Узнавание превосходства чужого опыта и любовь к нему – третий путь к сильно развитой личности.

Итак, есть три пути развития личности. Расширение поля культуры, в которую личность пускает свои корни – гуманистический путь. Штурм проклятых вопросов, нечаянно возникших или нарочито созданных в практике дзен – путь мистического опыта. И третий путь – любви к лучшему, чем ты сам, дальше тебя ушедшему к свету. Путь, по которому ушли все мировые религии, но очень скоро теряющие свой путь и заменяющие любовь верой.

Хочется вспомнить в конце, хотя бы наизусть, слова Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не испытывающая за себя никакого страха, не может ничего сделать, никакого другого употребления, кроме как отдать себя всего всем, чтобы и другие стали такими же полноправными и счастливыми личностями. Это закон природы. К этому тянет нормального человека...